

На выставкѣ южно-русскихъ художниковъ.

(Перома впечатлѣнія).

Нѣсколько выставочныхъ залъ вмѣщаютъ около двухсотъ большихъ и малыхъ картинъ. Съ этихъ полотенъ на васъ глядитъ цѣлая армія художниковъ-артистовъ. И всѣ они—наши сограждане, плоть отъ плоти нашей, кровь отъ крови нашей,—все это *русскіе* художники, представители вѣтливой части нашего общества, отъ которыхъ мы ждемъ теперь того или иного отраженія нашего настроенія/оереживаемыхъ волневій.

Какой же отпечатокъ оставила въ душѣ этихъ мастеровъ-творцовъ таящаяся уже болѣе двухъ лѣтъ непріятная русская дѣйствительность? Какіе крики исторгла эта дѣйствительность изъ ихъ груди?

Вотъ первый вопросъ, который напрашивается въ наше тревожное время самъ собой, и на вопросъ этотъ южно-русская выставка почти не даетъ отвѣта.

Если-же у одного, другого художника и встрѣтится какой-нибудь отвѣкъ на общественное настроеніе, то и онъ настолько слабъ, робокъ и уклончивъ, что вѣроятно беретъ сомнѣвіе,—дѣйствительно-ли художникъ имѣлъ ядѣсь въ виду гражданскій мотивъ, или же вы сами, пытливищій зритель, открыли такую нотку въ его картинѣ?

Нужно миновать цѣлыя десятки произведеній раньше, чѣмъ остановимся у картины художника Банда „Мать“. Грустная, задумчивая, эта мать склонилась надъ шитьемъ, убавившая въ то-же время засыпающаго въ колыбелькѣ крохотнаго младенца. Отъ всей комнаты, отъ скрепнаго чайнаго стола, за которымъ никто не сидитъ, и отъ всей убогой обстановки вѣетъ унылой пустотой и одиночествомъ.

Гдѣ-же отецъ и кормилецъ этой маленькой семьи, попечитель этого крохотнаго гвзда?

Умеръ-ли онъ, взятъ-ли на войну, или же просто ушелъ на работу, которую еще придется хорошенько повескать?

Рѣшать этотъ вопросъ художникъ представляетъ зрителю. ♪

Вы ищите дальше и вамъ отягивается художникъ Головковъ, который символически заводитъ съ вами бесѣду о сладости отважной борьбы съ бушующей, грозившей вамъ стихіей.

На его арко написанной, прелестно освѣщенной картинѣ тѣмъ матроса упрямо, ловко изгибаясь, крѣпять паруса на быстро уходящей въ море шаландѣ. И чѣмъ грознѣе надвигаются на судно бѣшеныя волны, чѣмъ разбухаютъ являясь и набрасываются ожесточенный вѣтеръ, тѣмъ дружище становится услія моряковъ, тѣмъ крѣпче и настойчивѣе ихъ мозолистая руки тануть надутый парусъ и вжгутъ гибкіе концы.

Случайность-ли это или вѣліе переживаемого момента, но съ удивительнымъ согласіемъ тотъ же мотивъ г. Головкова повторить художникъ Поповъ въ своей картинѣ „Прибой“.

Мурое, въ тучахъ, небо; угрюмое море. Шипя и пѣнясь, вздымаясь, обгоняя и поглощая другъ друга, гиганты—волны съ яростью ударяются о берегъ и съ ропотомъ устремятся назадъ, въ доловку мореплавателю. Но тотъ не труситъ. Корабль безумно дерзко летитъ прямо на стройные ряды волнъ, смѣло рѣжетъ ихъ хребты и несется впередъ да впередъ.

И какъ бы желая прабавить къ этому, что въ жизни есть также и чѣто противоположное смѣлости и отвагѣ, г. Поповъ на другой, висящей рядомъ, картинѣ изобразилъ спокойную поверхность моря, по которому цѣлая флоталія лодокъ тусоливо убѣгаетъ съ той стороны, гдѣ надвинувшіися облака обѣщаютъ скорую бурю, и стремительно направляются туда, гдѣ свѣтлая полоса чистаго неба сулитъ покой и тишину.

За этимъ, цѣлымъ рядомъ произведеній вводитъ васъ въ міръ заоблачныхъ грезъ, романтическихъ мечтаній и молятъ. Нашъ южно-русскіе пейзажисты на этотъ разъ какъ бы нарочито уходили подальше отъ давящей суеты тревожной обывденщины подъ сѣнь вѣчно-лежущей природы. Они и артисты зовутъ подъ эту сѣнь покоя и тѣлаго созерцанія. Таковъ г. Дворниковъ со своими пейзажами, гдѣ все окутано поэтической дымкой, все погружено въ сладостную дремоту. Таковы лунныя ночи художниковъ Зазуе и Латри (Назаретъ), гдѣ все мистически таинственно; такова „Табиа“ (чудный поэтический мотивъ) Коренева-Новороссійскаго; таковы, наконецъ, „Гуелъ“,—залитое натуральнымъ солнечнымъ свѣтомъ полотно талантливаго г. Костади.

Но и среда жанристовъ кое-что принесетъ дакъ романтическаму настроенію. Г. Коломоновъ въ своей серьезно выполненной композиціи „Въ бретонской церкви“ такъ и зоветъ васъ сангься въ общюю, горячую, возвышающую душу, молитву съ благоговѣбно-настроенными прихожанами храма. Г. Кандицкій даетъ намъ фантастическія расквашенныя впечатлѣнія сказочнаго міра съ неземными образами таинственныхъ героевъ.

Есть еще на выставкѣ много портретныхъ работъ гг. Вуковецкаго („Автобиографія“) Н. Д. Кузнецова (портретъ П. Г. Климовича), Шварца, Елиза и Бершадскаго (женскіе портреты), Формановскаго и друг. Есть выдающіеся водоумѣіи жанровыя опыты гг. Ингуелъ и Ганскаго. Есть грусть вандождя вагія женщины г. Подаренскаго. Имѣются интересныя этюды гг. Бродскаго и Гольдштейна. Но ко всему этому мы еще

вернемся въ свое время. Пока же отмѣтимъ еще одну маленькую черточку. Выставочное жури при приемѣ произведеній, повидному, съ достаточною строгостью отвесилось къ художникамъ экспонентамъ. Во имя элементарной справедливости и цѣльност и впечатлѣнія самой выставки очень не мѣшало бы установить и кое-какой подборъ для самыхъ членовъ южно-русскаго товарищества, по отношенію къ которымъ, очевидно, вовсе никакихъ требованій не предъявляется. Если бы такіа требованія существовали, то многія изъ вышѣ фигурирующихъ на выставкѣ „творевій“ гг. „хозяевъ“ навѣрное не увидѣли бы свѣта Божьяго.